

Сасори всегда казалось, что смерть — это самое страшное на свете. Его родители ушли так легко, так глупо. Именно поэтому он годами истязал себя, перекраивая собственную плоть, превращая её в бездушное дерево и металл. Он хотел сбежать от этой хрупкости, не желая сгинуть обывателем. Но как бы он ни старался, в его теле всё равно осталась крошечная деталь, неподвластная марионеточному искусству.

Он опустил взгляд. Острый каменный обломок пробил его грудь насквозь — прямо там, где билось его уязвимое живое ядро. Кровь медленно, капля за каплей, стекала вниз, пачкая лицо бабушки Чиё.

— Сасори... — прошептала Бабушка Чиё, глядя на него во все глаза. В нём сквозило растерянное потрясение. — Зачем... зачем ты это сделал?

"Зачем?"

Сасори и сам не знал ответа. Старуха была его врагом, он собирался прикончить её без всякой жалости. Так почему же в последний миг он закрыл её своим телом, наплевав на собственную жизнь?

Живое ядро было его единственным слабым местом. Повреждение этой плоти означало конец. Темнота уже подступала к глазам, размывая очертания пещеры.

— Жалкое зрелище, правда? — горько усмехнулся он. — Я ведь уже не человек, но так и не стал полноценной куклой. Кто я теперь?..

Бабушка Чиё молчала, не зная, что ответить. В груди её теснилась глухая боль. Чья в том вина? самого Сасори? Белого Клыка, погубившего его родителей? Или всей Деревни Скрытого Песка, погрязшей в бесконечных войнах?

Старуха дрожащей рукой коснулась его груди, собираясь запустить лечебную чакру.

— Оставь это, бабка, — безразлично бросил Сасори. — Я своё тело лучше знаю. Ядро уничтожено. Тут не поможет даже величайший из медиков, куда уж тебе с твоими силами.

— Глупый мой мальчик... — Бабушка Чиё слабо улыбнулась этому упрямцу.

Для неё он так и остался тем маленьким, одиноким ребёнком из воспоминаний. Тем, кто не мог уснуть один в пустой холодной комнате, но всё равно пытался подбодрить её своими неловкими детскими словами.

— То, что я собираюсь сделать, вовсе не медицина. Ты никогда раньше не видел этого дзюцу — я создала его сама. Оно способно вдохнуть жизнь даже в бездушное дерево. Но платой за это... станет жизнь самого заклинателя. Я корпела над ним долгие годы, Сасори. И теперь я довела

его до конца.

— Брось, карга. Не глупи, — он оставался бесстрастным, словно они спорили о погоде за чашкой чая, а не о жизни и смерти. — Я отступник из Акацуки. От моего спасения деревне не будет никакого толку.

— Дурак! — в сердцах прикрикнула Бабушка Чиё и тут же зашлась в сухом, мучительном кашле.

Сасори понял: яд начал действовать. Он едва заметно шевельнул пальцами правой руки в сторону скрытого паза на рёбрах — там, внутри марионеточного механизма, лежала ампула с противоядием.

От Бабушки Чиё это слабое движение не укрылось.

— Не нужно, — остановила она его. — Даже если ты введёшь лекарство, мне осталось недолго. Но перед смертью у меня есть дело. Долг, который я должна была отдать ещё несколько десятилетий назад. Сасори... это то, что задолжала тебе я. И то, что задолжала тебе вся Деревня Скрытого Песка.

Сасори промолчал.

— Глупый мой внук... — повторила Бабушка Чиё. На этот раз её голос звенел от бесконечной, щемящей нежности, будто она просто журила напроказничавшего ребёнка. — Что бы ты ни натворил, кем бы ни стал и сколько бы лет ни прошло... ты всегда будешь моей кровинкой. Самым любимым внуком.

В этот миг до Сасори наконец дошло. Как бы далеко он ни уходил, сколько бы зим ни сменилось в его изгнании, невидимые нити всё равно крепко связывали его с этой дряхлой старухой. С его родиной.

— Делай что хочешь, — буркнул он и отвернулся, не желая показывать своего лица.

Бабушка Чиё хрипло, тяжело задышала. Она сосредоточила остатки сил в ладонях, и тёплая жизненная энергия потекла в грудь Сасори, восстанавливая разрушенные ткани его ядра. По сути, старуха вылепила его заново, возвращая к жизни.

— Наруто-кун... — Бабушка Чиё с трудом повернула голову к стоявшему поодаль юноше. — У меня есть к тебе просьба...

Наруто, до этого безучастно наблюдавший за сценой, лениво отозвался:

— Что такое?

— Отпусти его. Прошу тебя, только в этот раз. Я знаю, что тебе ничего не стоит прикончить его прямо сейчас...

После недолгого молчания Наруто развернулся к ней.

— Мне всё равно. Моя цель — спасти Гаару, а не истреблять Акацуки.

Он сделал паузу, а затем медленно поднял взгляд на мерцающие призрачные силуэты, висевшие под сводами пещеры.

— И ещё кое-что... уважаемые зрители. Мне плевать, зачем вы собираете Хвостатых. Но запомните одну вещь: сунетесь в Коноху — и я вырежу вас всех до единого.

В конце концов, Коноха — колыбель мечты одного упрямца. Позволить разрушить её было бы неправильно.

С этими словами Наруто зашагал прочь от застывших марионеточников.

— Время на исходе. Если промедлим, Гаару уже не вернуть.

— Эй, пацан, — ухмыльнулся из темноты призрачный силуэт Кисаме. — Ты, конечно, силен, но я тебя огорчу. Как только зверя вынимают из сосуда, джинчуурики погибает. Твой Однохвостый уже мёртв.

Наруто небрежно поправил слегка помявшуюся одежду.

— Это всего лишь техника, — равнодушно отозвался он. — А любое дзюцу — это лишь форма энергии. Его действие временно. Если вовремя ослабить или нейтрализовать остаточные колебания чакры, последствия можно обратить вспять. Сейчас Гаара находится в состоянии глубокого анабиоза. Физиологические процессы замерли, но мозг ещё жив. По сути, подобные техники работают как глубокий гипноз. Чем сильнее дзюцу, тем мощнее этот блок, но и времени на укоренение эффекта требуется больше. Нам просто нужно разрушить эту установку до того, как тело Гаары окончательно поверит в собственную смерть.

— Кто ты... такой? — донёсся глухой, ровный голос мужчины, чей силуэт парил выше остальных.

— Я ведь уже говорил в самом начале, — Наруто даже не обернулся. — Терпеть не могу повторяться. Сянсян, времени нет. Принеси мне ветку. Найди дерево древнее.

— Ветку? — Сянсян вздрогнула, потрясённо уставившись на своего господина. — Неужели вы собираетесь использовать тот метод?.. Не надо! Если вы примените его, вы же сами...

— Сянсян. Это приказ.

Холодный тон Наруто пресёк любые возражения. Он зашагал к выходу из пещеры. В ту самую секунду, когда его фигура скрылась в проёме, Бабушка Чиё сделала свой последний вздох. Её ладони соскользнули с груди Сасори, и она безжизненно повалилась на холодные камни.

— Спасибо... — выдохнул угасающий голос ей вслед.

Услышав этот едва различимый шёпот, Наруто лишь презрительно хмыкнул.

— Вечно хозяин себя не бережёт... — проворчала Сянсян.

Впрочем, спорить с решением господина она не посмела и поспешила следом за ним, оставив призрачные фигуры Акацуки наедине с нахлынувшей темнотой.

— Мы просто так его отпустим? — нарушил тишину сиплый голос Кисаме, обращённый к Пейну.

Пейн проводил задумчивым взглядом место, где только что стоял юноша.

— Пусть идёт. Рано или поздно он всё равно будет моим.

— Какое жалкое зрелище, Сасори! — раздался издевательский смешок Хидана. — Будь я на твоём месте, ни за что не проиграл бы какому-то молокососу.

Сасори пропустил его нападки мимо ушей. Он молча смотрел на умиротворённое лицо покойной старухи. Бабушка Чиё едва заметно и облегчённо улыбнулась — словно сбросив самый тяжёлый груз в своей жизни, она наконец-то обрела покой.

— Сасори, — раздался ровный голос Лидера. — Хватай Дейдару и убирайтесь оттуда. К вам приближается крупный отряд шиноби Деревни Скрытого Песка.

Но мастер марионеток даже не повернулся к нему. Он перевёл взгляд на безмолвный силуэт Итачи.

— Он чертовски силен, Итачи. Возможно, даже тебе с ним не совладать.

— Знаю, — бесстрастно отозвался Учиха, но в глубине его тёмных глаз на мгновение

промелькнуло нечто странное.

— Что ж, — Сасори вдруг тихо, невесело рассмеялся. — Никогда не думал, что кроме нашего Лидера найдётся тот, кто сможет пустить меня в расход. Этот мальчишка Наруто чертовски любопытен... Лидер, у меня есть просьба.

— Говори.

— Предатель Орочимару. Позволь мне лично разобраться с ним.

— Почему именно ты? — сухо поинтересовался Пейн.

Лидер редко снисходил до расспросов. Сасори на мгновение задумался, а затем негромко произнёс:

— Наверное, просто испытываю к нему непреодолимое отвращение. Даже у такого чудовища, как я, порой просыпается брезгливость. Так что скажешь?

В любой другой день подобный довод вызвал бы у Акацуки лишь издевательский хохот, но сейчас в пещере стояла гробовая тишина. Никто даже не улыбнулся.

— Твоя бабка была великой женщиной, — медленно произнёс Лидер.

— Ещё бы, — вставил свои пять копеек Кисаме. — Если этот змей Орочимару узнает, что дело всей его жизни — истинное бессмертие и одушевление неживого — провернула дряхлая старуха, он с горя сам в петлю полезет.

— Как только Орочимару будет мёртв, сразу возвращайся, — отрезал Пейн. — Нам нужно готовиться к следующему запечатыванию Хвостатого.

С этими словами силуэт Лидера растаял в воздухе. Вслед за ним один за другим исчезли и остальные. Пространство пещеры вновь погрузилось в безмолвие.

И больше никто в мире не узнает, что в этих тёмных, сырых глубинах навеки упокоилась не просто легендарная женщина-кукловод, но и самая обыкновенная бабушка, до последнего вздоха любившая своего заблудшего внука.